

Цифровая (само)защита права на примере защиты прав ребенка¹

Хисамова Р. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

e-mail: rina_khisamova@list.ru

Аннотация

В рамках настоящей статьи автор предпринимает попытку исследования таких правовых явлений, как «цифровая самозащита» и «цифровая защита права». Используя метод анализа и приводя конкретные практические примеры действий, предпринимаемых родителями (законными представителями детей) в целях защиты прав и интересов ребенка в Интернете, автор приходит к выводу, что сложившиеся сегодня на практике цифровые способы защиты права могут рассматриваться современной юриспруденцией в качестве альтернативных способов защиты права (цифровая защита) либо сформировать новый правовой институт «цифровой самозащиты».

Ключевые слова: защита прав в Интернете, защита прав ребенка, цифровые способы защиты прав, цифровая защита, самозащита права, цифровая самозащита, самопомощь.

Для цитирования: Хисамова Р. В. Цифровая (само)защита права на примере защиты прав ребенка // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 3 (21). С. 87–95. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-87-95. EDN: RXEEPW

Digital (Self)-Defence by The Example of The Children's Rights Protection

Khisamova R. V.

National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

e-mail: rina_khisamova@list.ru

Abstract

In relation to the sphere of legal protection the author considers two legal phenomena: “digital self-protection” and “digital protection of rights”. Relying on examples of actions taken by parents in order to protect the children's rights on Internet, the author comes to the conclusion that the digital methods of protecting the right that exist today in practice can be considered by modern jurisprudence as alternative ways to protect the right or form a new legal institution of “digital self-protection”.

Keywords: protection of rights on the Internet, children's rights protection, digital ways to protect rights, digital self-protection.

For citation: Khisamova, R. V. Digital (Self)-Defence by The Example of The Children's Rights Protection. *Theoretical and Applied Law*, no. 3 (21). Pp. 87–95 (In Russ.). DOI: 10.22394/3034-2813-2024-3-87-95

¹ С благодарностью моему отцу Хисамову Винуру Заквановичу за помощь, поддержку и содействие в работе (14.12.2023), а также Богдановской Ирине Юрьевне за терпеливое руководство деятельностью аспиранта.

Юридическая система, чтобы называться таковой с достаточным основанием, должна обладать неким минимумом практической действенности, что бы ни лежало в основе этой действенности, — утверждение, которое не может вызвать ни возражений, ни интереса¹.

В качестве эпиграфа к статье был выбран тезис Лона Фуллера из «Морали права», поскольку практическая действенность юридической системы может проявляться по-разному, в том числе через защиту права, осуществляемую всевозможными способами.

В условиях информатизации и цифровизации множества общественных институтов защита прав так же, как и многое другое, претерпевает свои изменения. Посмотрим далее, как повлияла цифровая реальность на область защиты права и можем ли мы на сегодняшний день убрать скобки из заголовка данной статьи и говорить о «цифровой самозащите», опустить «само» и рассматривать «цифровую защиту права» или всё же в нашем распоряжении лишь базовые положения «самозащиты» и «защиты права» в их традиционном классическом понимании. Учитывая, что идея становится более понятной на практическом примере, в качестве последнего исследуем защиту прав детей в Интернете их родителями.

Способы защиты права: краткий обзор теории

Напомним, что в юридической науке общепринято разделять способы защиты права на юрисдикционные и неюрисдикционные². Первый способ предполагает обращение в суд, другие государственные органы, а также в специально созданные негосударственные учреждения. Второй же представляет собой деятельность граждан по защите своих прав без обращения за помощью к государственным и иным органам, уполномоченным на принятие необходимых мер для восстановления нарушенного права и пресечения правонарушения³. Данный подход воспринят и действующей Конституцией Российской Федерации, статья 45 которой гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1), а также позволяет каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2).

Некоторые исследователи говорят о трех способах защиты, выделяя в качестве первого государственный (судебный) способ защиты; в качестве второго — альтернативный способ защиты (например, в форме третейского разбирательства); в качестве третьего — самозащиту права. Как указывает Е. В. Михайлова, об этих способах писали российские классики (М. Д. Мейер, Е. В. Васильковский, А. Х. Гольмстен и др.); эти же способы защиты закреплены в действующем законодательстве⁴.

В современной юридической науке указанные выше способы защиты права иногда именуют формой защиты. В частности, Р. С. Бевзенко применительно к гражданскому праву отмечает: «Если понятие “способ (мера) защиты права” описывает содержание действий по защите права (например, признание оспоримой сделки недействительной), то форма защиты прав — это внешняя характеристика защиты, то есть описание того, каким именно образом реализуется тот или иной способ защиты права. Приняв такую точку зрения, можно добиться вполне логичного соотношения способов защиты права, указанных в ст. 12 Кодекса, с выделяемыми в литературе различными формами защиты, прежде всего — юрисдикционной (судебной, административной, нотариальной) и неюрисдикционной (самозащитой)»⁵.

¹ Фуллер Л. Мораль права. М.: Ирисэн, 2007. С. 133–134.

² См.: Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения (монография) (Курбатов А. Я.). М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.; Долганова И. В. (и др.). Актуальные проблемы гражданского права: учебник / И. В. Долганова, Д. В. Ерофеева, О. В. Ефимова, А. Е. Кирпичев, В. В. Кулаков, А. Н. Левушкин, Ю. А. Свиринов, В. В. Смирнова, С. Ю. Филиппова (под ред. д.ю.н., проф. Р. В. Шагиевой). М.: Юстиция, 2019. 380 с.; Бабкин С. А. (и др.). Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / С. А. Бабкин, Р. С. Бевзенко, В. А. Белов, К. А. Блинковский, И. В. Григораш, М. В. Субботин, Ю. А. Тарасенко, П. В. Шевцов (под общ. ред. д.ю.н. В. А. Белова). М.: Юрайт, 2015 и проч.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В. В. Путина; под ред. академика РАН Т. Я. Хабриевой). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. 368 с.

⁴ Михайлова Е. В. Цифровизация профессиональной юридической деятельности и образовательного процесса: понятие и тенденции развития // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 96–111.

⁵ Бабкин С. А. (и др.). Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / С. А. Бабкин, Р. С. Бевзенко, В. А. Белов, К. А. Блинковский, И. В. Григораш, М. В. Субботин, Ю. А. Тарасенко, П. В. Шевцов (под общ. ред. д.ю.н. В. А. Белова). М.: Юрайт, 2015.

Полагая возможным не вдаваться в теоретические тонкости соотношения таких понятий, как «способ защиты права» и «форма защиты», далее будем исходить из классического разделения всех способов защиты права на *юрисдикционные*, обеспечиваемые принудительной силой государства, и *неюрисдикционные*, осуществляемые заинтересованными лицами самостоятельно, то есть без участия государства, не забывая при этом об альтернативных способах, суть которых заключается в обращении лица за защитой к посреднику, не относящемуся к государственной властной структуре.

Защита прав ребенка в Интернете: краткий обзор практики

Информационно-коммуникационные технологии, расширяя и дополняя жизнь ребенка, опосредуют и изменяют его жизнь не только онлайн, но и офлайн¹. Мы уже писали, что все угрозы в Интернете применительно к детской аудитории могут быть разделены на две большие группы: **контентные риски** (потребление ребенком нежелательной (запрещенной и вредной) информации, не соответствующей уровню его развития) и **коммуникационные риски** (ненадлежащие опасные контакты, совершение нежелательных сделок, неконтролируемое предоставление (распространение) своих персональных данных)².

В целях исключения или хотя бы минимизации указанных рисков на практике в отношении детей в Интернете их родители (иные законные представители) в большинстве случаев, в том числе в странах Европейского союза³, используют «родительский контроль» либо приобретают подобные услуги на рынке связи.

«Родительский контроль» — это собирательное понятие, которое включает в себя возможность настроить использование устройства или отдельных информационных ресурсов способом, отвечающим, по мнению родителя, интересам ребенка. В частности, родительский контроль охватывает собственные встроенные функции операционных систем, которые позволяют фильтровать контент по возрастному цензу, ограничить громкость воспроизводимой музыки, запретить установку конкретных приложений или ограничить доступ к установленным программам. Кроме того, сюда могут быть отнесены также специальные приложения, которые, в отличие от встроенных функций операционных систем, обычно имеют больший функционал и меньше возможностей для ребенка обойти установленные ограничения. Например, в них можно выбирать уровень защиты ребенка (максимально ограниченный родителем контент или, напротив, минимально ограниченный), настраивать «белые» и «черные» списки сайтов, социальных сетей, файлообменников, блогов, онлайн-игр и проч. В качестве дополнительного функционала подобные приложения позволяют отслеживать местонахождение ребенка, контролировать уровень заряда батареи на его телефоне, настраивать расписание использования смартфона, отслеживать активность в социальных сетях и даже формировать отчеты об онлайн-привычках ребенка⁴.

Аналогичный родительскому контролю функционал на сегодняшний день доступен и в рамках приобретения соответствующих услуг, предоставляемых провайдерами Интернета и иными операторами связи. Например, «Родительский контроль»⁵ и «Интернет под контролем»⁶ от Мегафона, «Интернет-безопасность для детей»⁷ от МТС и проч. Несмотря на постоянную смену подобных пакетных предложений, состав включенных в них услуг обычно различается незначительно и включает в себя фильтр контента, ограничение рекламы, баннеров и прочих нежелательных уведомлений и т. п. Эффективность

¹ McLuhan M. Understanding Media: the Extensions of Man. <https://designopendata.files.wordpress.com/2014/05/understanding-media-mcluhan.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

² Подробнее тема интернет-угроз интересам детей исследовалась С. В. Кобзевой, а также была раскрыта автором в отдельной статье «Дети и Интернет: виды интернет-угроз и правовые способы защиты от них». См.: Кобзева С. В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39; Khisamova R. V. Children and Internet: cyber threats and ways of protection // Legal Issues in the Digital Age. 2023. No. 2. Pp. 122–141.

³ В частности, см.: Tot L., Grubor G. Child protection from unwanted internet contents – case study in republic of Serbia // Singidunum Journal of Applied Sciences. 2014 Supplement. Pp. 514–519.

⁴ См.: <https://rg.ru/2019/11/29/roditelskij-kontrol-kakoe-prilozhenie-vybrat.html> (дата обращения: 04.10.2023).

⁵ См.: https://moscow.megafon.ru/services/family/roditelskiy_kontrol/ (дата обращения: 17.07.2024).

⁶ См.: <https://gov.megafon.ru/products/internet-pod-kontrolem> (дата обращения: 04.10.2023).

⁷ См.: https://moskva.mts.ru/personal/servisy/kaspersky_safe_kids (дата обращения: 17.07.2024).

применения данных методов защиты исследована европейскими учеными и оценена в общем положительно, но не без издержек¹.

В качестве дополнительных технологических решений по защите детей в Интернете родители могут устанавливать на устройства специальные детские браузеры, в которых можно сформировать безопасный (разрешенный) список сайтов. Сайты, не включенные в указанный список, равно как и любые другие ссылки, рекламные объявления или акции будут заблокированы и не попадут в поле зрения ребенка.

Практическое применение данных методов родителями в целях защиты прав и интересов своих детей в Интернете согласуется с базовыми научными подходами психологии и правовыми положениями. В частности, в соответствии с культурно-историческим подходом и созданными на его основе концепциями формирование личности детей и подростков неотделимо от социальной ситуации их развития. Понятие «социальная ситуация развития» как важнейший компонент каждого периода развития ребенка было введено Л. С. Выготским в его учении о структуре и динамике психологического возраста². Как указывают Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова, в работах российских психологов показано, что особенности социальной ситуации развития решающим образом определяют направление, содержание и характер возрастного развития ребенка (Л. И. Божович, В. В. Давыдов, М. И. Лисина, Д. Б. Эльконин, Д. И. Фельдштейн, О. А. Карабанова)³.

В свою очередь, согласно положениям ст. 3 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., (далее — Конвенция) во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Государства-участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка (п. 1 ст. 27 Конвенции). Приведенные положения Конвенции созвучны со ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ), в силу которой ребенок имеет право на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение человеческого достоинства.

Таким образом, естественное право ребенка на всестороннее развитие в условиях уважения человеческого достоинства, гарантируемое в том числе в виртуальной реальности, то есть онлайн, реализуется максимально эффективно посредством создания для ребенка благоприятной социальной ситуации развития, что, как показано выше, на практике обеспечивается путем принятия родителями (законными представителями детей) превентивных мер, направленных на устранение существующих в сети Интернет угроз. И вот здесь возникает закономерный вопрос: как теория соотносится с практикой, или к какому из известных науке способов защиты права можно отнести действия родителей по защите прав и интересов детей в Интернете?

Ввиду того, что «родительский контроль» и иные меры по защите прав детей в Интернете, применяемые родителями самостоятельно, то есть без обращения к компетентным государственным органам, не могут рассматриваться в качестве юрисдикционного способа защиты права, поскольку отсутствует такой квалифицирующий признак, как обращение за защитой к государству (в том числе к суду), представляются возможными два варианта.

Вариант 1. Применение родителями мер по защите интересов детей в Интернете является самозащитой права и, более того, способно выступить предпосылкой для формирования нового правового института «цифровой самозащиты».

¹ См. например: *Eneman M.* Internet service provider (ISP) filtering of child-abusive material: A critical reflection of its effectiveness // *Journal of Sexual Aggression*. Jul. 2010, Vol. 16, Issue 2. Pp. 223–235; *Lawrence E., Fry R. J.* Content Blocking and the Patron as Situated Knower: What Would It Take for an Internet Filter to Work? // *Library Quarterly*. Oct. 2016, Vol. 86, Issue 4. Pp. 403–418.

² *Выготский Л. С.* Вопросы детской психологии. СПб.: Союз, 1997. С. 24–25.

³ *Солдатова Г. У., Рассказова Е. И.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // *Национальный психологический журнал*. 2014. № 3 (15). С. 39–51.

Вариант 2. Защита прав детей в Интернете с применением цифровых функций и технических средств образует цифровую защиту, которая может быть рассмотрена в составе альтернативных способов защиты права.

Рассмотрим каждый из указанных вариантов подробнее.

Цифровая самозащита прав и законных интересов ребенка

Как было отмечено выше, основным неюрисдикционным способом защиты прав выступает самозащита, то есть самостоятельные действия лица, направленные на воспрепятствование нарушению его прав и/или их восстановление¹. Иными словами, самозащита — это институт, включающий в себя действия, осуществляемые непосредственно частным лицом без обращения к компетентным государственным органам.

Ключевой и отличительной особенностью самозащиты права как способа защиты является «поливариантность правовых возможностей осуществления защиты своих прав»². Как пишет А. А. Газаева, применительно к конституционному пониманию содержание права на самозащиту не образует какая-то одна или несколько возможностей, наоборот, данные возможности не ограничиваются исключительно юридическими средствами и способами самозащиты, но включают в себя и средства, не имеющие детального нормативного закрепления в определенной установленной государством форме (неюридические, но не противоречащие закону). Особенность самозащиты заключается в том, что частные лица могут предложить свои средства самозащиты, а также продемонстрировать свое видение вариантов их сочетания, самостоятельно определить степень их эффективности в каждом конкретном случае, прогнозировать последствия их применения и осознать недопустимость злоупотребления с использованием как системы нормативно разработанных и закрепленных государством способов и средств самозащиты, так и самостоятельно смоделированных личностью вариантов самозащитного поведения³. Таким образом, самозащита — это наиболее разнообразный с позиции своего практического применения (воплощения) способ защиты права, который в условиях цифровизации может быть реализован в цифровой плоскости, то есть с применением технических средств и иных электронных, цифровых приемов.

Помимо поливариантности возможностей самозащиты, объем которых детерминирован достигнутым уровнем развития самой личности и конкретной правовой системы⁴, еще одной особенностью самозащиты как способа защиты права является скорость реализации⁵. Действительно, в ряде случаев лицо объективно не может рассчитывать на своевременную помощь правопорядка, в то время как бездействовать в конкретной ситуации для него было бы явно неразумно.

Ярким примером выступает ситуация по защите прав и законных интересов детей в Интернете. Родители, заинтересованные в создании для своих детей благоприятных условий развития, самостоятельно применяют доступные на практике превентивные меры защиты прав и законных интересов детей в Интернете, используя функции «родительского контроля» и иные существующие методы, не дожидаясь специального законодательного регулирования или принятия конкретных мер по защите интересов детей в сети Интернет на уровне государства. В связи с тем, что защита прав и законных интересов ребенка в силу императивных предписаний закона⁶, по общему правилу, осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), представляется возможным в отношении действий, совершаемых родителями самостоятельно в целях воспрепятствования нарушению прав и законных интересов своих детей и восстановления таких прав в сети Интернет, говорить именно о самозащите. «Родительский контроль»,

¹ Комментарий к статье 14. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

² Газаева А. А. Конституционное полномочие личности на самозащиту: традиционный и новый взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 17–19.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Комментарий к статье 14. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

⁶ В частности, ст. 56 СК РФ / Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ.

фильтрация контента, доступного ребенку, с применением разных методов и средств, осуществляемые родителями самостоятельно, без обращения за содействием к государству, — по существу не что иное, как самозащита права в превентивных целях с применением цифровых (электронных) средств.

Ответ на вопрос о том, являются ли действия родителей по защите прав и интересов детей в Интернете новым явлением цифровой самозащиты, зависит прежде всего от того, можем ли мы выявить отличительные с позиции права особенности цифровой самозащиты от самозащиты в классическом (традиционном) понимании. Помимо двух особенностей самозащиты как способа защиты права, которые мы обозначили как поливариантность и оперативность, в доктрине права самозащита рассматривается через ее пределы. В частности, гражданское право, например, исходит из того, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Аналогичный подход воспринят уголовным правом (ст. 37, 39 и 41 Уголовного кодекса Российской Федерации) и административным правом (ст. 2.7 Кодекса об административных правонарушениях).

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения (ст. 14 ГК РФ). Возможность самозащиты не исключает права такого лица воспользоваться иными способами защиты, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, в том числе в судебном порядке.

По смыслу ст. 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться в том числе в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). Таким образом, признаками самозащиты с позиции доктрины права являются ее «соразмерность» и «оправданная необходимость».

Приведенные выше признаки присущи и действиям родителей при защите прав и законных интересов детей в Интернете, поскольку отсутствие соразмерности и оправданной необходимости в применении ограничительных мер в отношении ребенка в Интернете может вторгаться в сферу его права на нормальное развитие, соответствующее общему уровню развития современного общества.

Вот интересный пример. В качестве одной из интернет-угроз в составе контентных рисков выделяют «информационные колодцы».

«Информационный колодец» — это контент, ограниченный особым образом в интересах отдельного лица, обычно владельца информационной системы (сайта), путем применения заданных системой алгоритмов. На официальном сайте молодежного цифрового омбудсмена по вопросу информационных колодцев разъясняется, что алгоритмы и рекомендательные сервисы в социальных сетях и на платформах видеохостинга созданы для рационализированного и автоматизированного управления потоком пользователей. Эти системы предлагают пользователю контент на основе результатов анализа поведения пользователя, выполняемого сервисом. Если пользователь видит только то, что ему интересно, согласно анализу системы, то он попадает в так называемый информационный колодец, находясь в котором он не получает информацию по иным темам. Отмечается, что особенно остро проблема потребления контента стоит в социальных сетях. В информационный колодец пользователя можно поместить принудительно, тем самым навязывая контент и влияя на формирование его мировоззрения¹.

Следовательно, исходя из принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка целенаправленное ограничение контента (фильтрация), доступного детям в Интернете, с использованием цифровых технологий не должно приводить к созданию для ребенка «информационного колодца», не допускающего получение ребенком информации, необходимой для нормального развития с учетом его возраста. То есть самозащита прав и интересов ребенка в Интернете также осуществляется в особых пределах «соразмерности» и «оправданной необходимости».

¹ См.: <https://www.youthombudsman.ru/help/7> (дата обращения: 02.10.2023).

При изложенных обстоятельствах сегодня мы можем обозначить «родительский контроль» и применение иных цифровых технологий в целях защиты детей в Интернете в качестве самозащиты в традиционном понимании, коль скоро данным действиям родителей присущи все признаки самозащиты. Между тем нельзя исключить, что со временем в доктрине и науке будут выработаны особые признаки «цифровой» самозащиты, которые сделают возможным появление нового правового института.

Цифровая защита как альтернативный способ защиты права

Альтернативными способами защиты права признаются способы, для которых характерно обращение к негосударственному посреднику, например в третейский суд.

При применении мер родительского контроля, особенно в случае приобретения соответствующих услуг на рынке связи, родители, обеспечивая защиту прав ребенка в Интернете, фактически прибегают к помощи посторонних лиц, в связи с чем приведенные в статье примеры защиты прав и интересов детей в Интернете могут быть рассмотрены в качестве альтернативного способа защиты права или цифровой защиты. Как пишет А. А. Газзаева, информационные технологии представляют собой универсальный ресурс, доступный человеку при выборе средств и способов самозащиты¹, что также позволяет рассматривать цифровую защиту права как особую форму альтернативной защиты, при которой содействие в защите права оказывает заинтересованному лицу иной субъект (поставщик услуг или разработчик приложений). Из этого же исходят и крупные телекоммуникационные компании, полагающие, что помимо семьи, школы и правоохранительных органов важными элементами защиты детей становятся ИТ-решения, встроенные в привычную цифровую среду: поисковые системы, социальные сети, коммуникационные сервисы, игры².

На основании изложенного позволим себе не согласиться с мнением Е. В. Михайловой, которая полагает, что до настоящего времени цифровых способов и форм защиты и надзора не существует³. Представляется, что приведенные нами примеры ясно и однозначно свидетельствуют о том, что цифровая защита права присутствует в современной действительности и может быть определена как направленные на воспрепятствование нарушению прав действия заинтересованного лица, совершаемые с использованием цифровых технологий.

Самопомощь

На сегодняшний день цифровая реальность и трансформация общественных отношений в условиях развития информационно-коммуникационных технологий позволяют заново поднять вопрос о возможности введения в юридический оборот термина «самопомощь». А. А. Громов отмечает, что попытка расширить сферу самозащиты, дополнив ее **самопомощью** (активными действиями лица, направленными на захват имущества должника и/или задержание самого лица), была предпринята в проекте Гражданского уложения Российской империи, однако так и не была доведена до конца⁴. Если не признавать цифровую защиту прав ребенка цифровой самозащитой или цифровой защитой, то подобные действия родителей (законных представителей детей), направленные на устранение и минимизацию интернет-угроз, по существу посредством блокировки отдельного «нежелательного» контента и контактов, можно рассматривать в качестве «самопомощи».

Подведем итог. Цифровые способы защиты права постепенно находят конкретные формы своего практического воплощения, что предопределяет и необходимость их теоретического осмысления.

¹ Газзаева А. А. Конституционное полномочие личности на самозащиту: традиционный и новый взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 17–19.

² См.: <https://www.company.rt.ru/social/cyberknowledge/kids-safety/> (дата обращения: 17.07.2024).

³ Михайлова Е. В. Цифровизация профессиональной юридической деятельности и образовательного процесса: понятие и тенденции развития // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 96–111.

⁴ Комментарий к статье 14. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.

В рамках настоящей статьи мы предприняли попытку определить, как с позиции права могут быть квалифицированы действия родителей по защите прав и интересов детей в Интернете, взяв за основу не проблему угрозы в Интернете, а ее решения — действия родителей по защите прав и интересов ребенка. Европейские ученые, напротив, сосредоточены на проблеме, а именно на анализе угроз в Интернете и сопоставлении их с вооруженной атакой, которая выступает предпосылкой для применения мер по самозащите прав¹. Вопрос о том, как принимает и понимает современная национальная правовая наука цифровые (технологические) решения защиты прав в Интернете, таким образом, исследуется сегодня с разных сторон и является открытым.

Представляется, что в рамках классической доктрины права применяемые родителями (законными представителями детей) на практике методы, направленные на защиту интересов ребенка в Интернете, можно рассматривать как цифровую самозащиту (то есть раскрыть скобки в заголовке статьи), так и как альтернативный способ защиты права — цифровую защиту или даже самопомощь в Интернете.

Литература

1. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры / под ред. д-ра юрид. наук проф. Р. В. Шагиевой. М.: Юстиция, 2019. 380 с.
2. *Выготский Л. С.* Вопросы детской психологии. СПб.: Союз, 1997. С. 24–25.
3. *Газаева А. А.* Конституционное полномочие личности на самозащиту: традиционный и новый взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 17–19. EDN: DAIMNT
4. *Кобзева С. В.* Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 33–39. EDN: CUQTSO
5. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. д-ра юрид. наук В. А. Белова. М.: Юрайт, 2015.
6. *Михайлова Е. В.* Цифровизация профессиональной юридической деятельности и образовательного процесса: понятие и тенденции развития // Хозяйство и право. 2022. № 7 (546). С. 96–111. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-7-96-111. EDN: LJOQSW
7. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография / А. Я. Курбатов. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
8. *Солдатова Г. У.* Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). С. 36–48. DOI: 10.11621/npj.2014.0305. EDN: TPVJXH
9. *Фуллер Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 133–134.
10. *Eneman M.* (2010) Internet service provider (ISP) filtering of child-abusive material: A critical reflection of its effectiveness. *Journal of Sexual Aggression*. Vol. 16, Iss. 2. Pp. 223–235. DOI: 10.1080/13552601003760014
11. *Khisamova R. V.* (2023) Children and Internet: Cyber Threats Sorts and Ways of Protection. *Legal Issues in the Digital Age*. Vol. 4, no. 2. Pp. 122–141. DOI: 10.17323/2713-2749.2023.2.122.141
12. *Lawrence E., Fry R. J.* Content Blocking and the Patron as Situated Knower: What Would It Take for an Internet Filter to Work? *The Library Quarterly*. Vol. 86, Iss. 4. Pp. 403–418. DOI: 10.1086/688030
13. *McLuhan M.* (2013) Understanding Media: The Extensions of Man. *GINGKO PRESS Inc.* 640 p.
14. *Nyman M.* (2022) Cyber Attacks as Armed Attacks? The Right of Self-Defence When a Cyber Attack Occurs. *Stockholms universitet*. 62 p.
15. *Tot L., Grubor G.* (2014) Child protection from unwanted internet contents — case study in republic of Serbia. *Singidunum Journal of Applied Sciences*. Pp. 514–519. DOI: 10.15308/sinteza-2014-514-519

¹ См., например: *Nyman M.* Cyber Attacks as Armed Attacks? The Right of Self-Defence When a Cyber Attack Occurs // Stockholms universitet, Juridiska institutionen 2023. <https://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:1754047/FULLTEXT01.pdf>.

Об авторе:

Хисамова Рина Винеровна, аспирантка департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
e-mail: rina_khisamova@list.ru

References

1. Shagieva, R. V. (Ed.) (2019) Actual problems of civil law: textbook. *Justice*. 380 p. (In Russ.)
2. Vygotsky, L. S. (1997) Questions of child psychology. *Soyuz*. Pp. 24–25. (In Russ.)
3. Gazaeva, A. A. (2019) The constitutional authority of the individual to self-defense: traditional and new view. *Constitutional and municipal law*. No. 8. (In Russ.)
4. Kobzeva, S. V. (2017) Protection of the rights of minors from threats on the Internet. *Information law*. No. 2. Pp. 33–39. (In Russ.)
5. Belov, V. A. (2015) Corporate law. Actual problems of theory and practice. *Yurayt Publishing House*. (In Russ.)
6. Mikhailova, E. V. (2022) Digitalization of professional legal activity and educational process: concept and development trends. *Economy and law*. No. 7. (In Russ.)
7. Kurbatov, A. Ya. (2022) Business law: problems of theory and law enforcement: monograph. *Justicinform*. 244 p. (In Russ.)
8. Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. (2014) Safety of teenagers on the Internet: risks, coping and parental mediation. *National Psychological Journal*. No. 3 (15). (In Russ.)
9. Fuller, L. (2007) The morality of law. *Irisen*. Pp. 133–134. (In Russ.)
10. Eneman, M. (2010) Internet service provider (ISP) filtering of child-abusive material: A critical reflection of its effectiveness. *Journal of Sexual Aggression*. Vol. 16, Iss. 2. Pp. 223–235. DOI: 10.1080/13552601003760014
11. Khisamova, R. V. (2023) Children and Internet: Cyber Threats Sorts and Ways of Protection. *Legal Issues in the Digital Age*. Vol. 4, no. 2. Pp. 122–141. DOI: 10.17323/2713-2749.2023.2.122.141
12. Lawrence, E., Fry, R. J. Content Blocking and the Patron as Situated Knower: What Would It Take for an Internet Filter to Work? *The Library Quarterly*. Vol. 86, Iss. 4. Pp. 403–418. DOI: 10.1086/688030
13. McLuhan, M. (2013) Understanding Media: The Extensions of Man. *GINGKO PRESS Inc*. 640 p.
14. Nyman, M. (2022) Cyber Attacks as Armed Attacks? The Right of Self-Defence When a Cyber Attack Occurs. *Stockholms universitet*. 62 p.
15. Tot, L., Grubor, G. (2014) Child protection from unwanted internet contents — case study in republic of Serbia. *Singidunum Journal of Applied Sciences*. Pp. 514–519. DOI: 10.15308/sinteza-2014-514-519

About the authors:

Rina V. Khisamova, graduate assistant of the School of Digital Law and Bio-Law, Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
e-mail: rina_khisamova@list.ru